

Абукаева Дарина Леонидовна

Сыктывкарский государственный
университет

имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

E-mail: abukaeva.darina@mail.ru

МАТЕРИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ УСТЬ-ЦИЛЕМСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

В статье рассматриваются культурологические особенности материальных и духовных артефактов русских старообрядцев-беспоповцев (поморцев) в контексте традиционной культуры повседневности. Данная группа староверов компактно проживает в Усть-Цилемском районе Республики Коми, который по сей день является развитым древлеправославным центром на Русском Севере.

Целью данного исследования является выявление уникальных черт материальной и духовной культуры усть-цилемских старообрядцев. Под традиционной культурой понимается особый способ жизнедеятельности, основанный на наследовании доминирующих смыслов, ценностей, норм; устойчивых, нединамичных, направленных на сохранение культурного порядка. Научный анализ обозначенной темы осуществляется с позиций историко-антропологического, культурологического и сравнительного подходов.

Итоги исследования заключаются в выявлении уникальных для культуры повседневности усть-цилемских старообрядцев характеристик.

Ключевые слова: старообрядчество, древлеправославие, Усть-Цильма, усть-цилемские старообрядцы, беспоповцы, культура повседневности, материальная культура, духовная культура

Для цитирования: Абукаева, Д. Л. Материальное и духовное в традиционной культуре повседневности усть-цилемских старообрядцев / Д. Л. Абукаева // Вестник культуры и искусств. — 2025. — № 4 (84). — С. 81–96.

Abukaeva Darina L.

Syktvykar Pitirim Sorokin
State University,
Syktvykar, Russia

E-mail: abukaeva.darina@mail.ru

Material and Spiritual in Traditional Everyday Culture of Ust-Tsilemsk Old Believers

The article considers culturological peculiarities of material and spiritual artifacts of Russian priestless Old Believers (the White Sea and Arctic Ocean coast dwellers) in the context of traditional everyday culture. This group of Old Believers is living in Ust-Tsilemsk district of the Komi Republic which still remains the developed center of olden times Orthodox Church in the Russian North. The purpose of the research is to reveal unique features of material and spiritual culture of Ust-Tsilemsk Old Believers. The author defines traditional culture as a special way of living based on inheriting of dominating ideas, values, norms, stable and non-dynamic ones directed at cultural order preservation. Scientific analysis of the above-mentioned topic

of research is carried out with regard to historic-anthropological, culturological and comparative approaches. The survey has resulted in revealing of Ust-Tsilemsk Old Believers everyday culture unique characteristics.

Keywords: Old Belief, olden times Orthodox Church, Ust-Tsilema, Ust-Tsilem Old Believers, priestless Old Believers, everyday culture, material culture, spiritual culture

For citing: Abukaeva D. L. 2025. Material and Spiritual in Traditional Everyday Culture of Ust-Tsilemsk Old Believers. *Vestnik kul'tury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 4 (84): 81–96. (In Russ.).

Введение

С развитием современных социокультурных трансформационных процессов проблема сохранения культурного наследия страны и ее регионов становится все более актуальной. Традиционные культурные практики, заложенные на рубеже XVII–XVIII вв. и формировавшиеся на протяжении нескольких столетий вплоть до XXI вв., постоянно адаптировались к новым условиям, чтобы сохранить свою уникальную идентичность. Изучение традиционной культуры повседневности усть-цилемских старообрядцев этих периодов позволяет выявить механизмы их социокультурной эволюции и адаптации, понять, какие элементы культуры сохраняются и в настоящем, а какие трансформируются или исчезают.

Усть-Цилемский район — заповедник русской старины, в котором сохранилась традиционная материальная и духовная российская культура. Окруженный глухой северной тайгой на берегу Печоры и ее притоков Пижмы и Цильмы, этот край помнит о своих предках-приверженцах беспоповского (поморского) старообрядчества. Сохранение традиционной старообрядческой культуры позволяют говорить о формировании определенного культурного кода — духовно-эстетического и интеллектуального коллективного и персонального культурного наследия [23].

Обращаясь к культуре повседневности усть-цилемских старообрядцев, мы можем увидеть оригинальное сочетание традиционных ценностей и уникальной адаптации к современным условиям жизни. Их обычаи, ритуалы и социальные практики не только сохраняют историческую память, но и служат основой для формирования культурной и религиозной идентичности населения региона в условиях интеграции, глобализации и аккультурации. Старообрядцы интегрируют свои религиозные

убеждения в повседневную практику, создавая тем самым пространство для самовыражения и культурного диалога.

Е. В. Байкова определяет культуру повседневности как «образ жизни и мышления людей данной социальной общности и исторической эпохи и складывается из нравов, обычаев, верований, привычек сознания и поведения, способов мировосприятия и картины мира в целом, ставших коллективным достоянием целых классов, сословий, наций в целом на определенном этапе их исторического развития» [5, с. 11].

Согласно концепции М. С. Кагана, культуру можно рассматривать в контексте материальной, духовной и художественной культур [24, с. 27] как отражения предметного мира вещей, идей и образов. А. Я. Флиер, в свою очередь, обращает внимание на представление о культуре, состоящей из двух основных компонентов — материальной и духовной [39]. В рамках данной статьи мы будем рассматривать материальную и духовную культуру как основные компоненты культуры повседневности.

Новизной данного исследования является культурологическое осмысление материальных и духовных артефактов традиционной старообрядческой культуры устьцилемов, выделение их уникальных культурных характеристик.

Стоит подчеркнуть, что традиционная культура устойчива, нединамична, изменения в ней идут медленно и зачастую не фиксируются коллективным сознанием. В силу яркой консервативности культуры старообрядчества, что составляет ее идеологическую основу, культура повседневности советского и постсоветского периода в значительной степени сохраняет свои охранные черты и мировоззренческие основания, сформированные в предыдущие столетия, и в этом смысле текущий традиционный

уклад невероятно устойчив. Чуть динамичнее изменения будут наблюдаться в духовной культуре старообрядчества социалистической и современной эпохи, однако и здесь они будут не столь глобальны, как в целом в российской практике.

Методы исследования

В работе использовались историко-антропологический, культурологический и сравнительный подходы. С позиции историко-антропологического подхода повседневная жизнь старообрядцев Усть-Цильмы рассматривается как специфическое явление, характеризующееся рядом неповторимых качеств материальных и духовных артефактов, что позволяет классифицировать ее как уникальную самобытную культуру. Культурологический подход предполагает рассмотрение культуры усть-цилемских старообрядцев в качестве стержневой в понимании и объяснении регионального самосознания и жизнедеятельности жителей в контексте социокультурного времени и пространства. Сравнительный подход, в свою очередь, дает возможность выделить уникальные характеристики культуры усть-цилемского старообрядчества.

Теоретическая база

Историография по общей теории повседневности включает работы М. С. Кагана, А. Я. Флиера, Е. В. Байковой и др., чьи труды составляют методологическую базу нашего исследования.

Специфика традиционной материальной и духовной культуры усть-цилемских старообрядцев стала предметом изучения в трудах ученых конца XIX — начала XX века — С. В. Максимова, С. В. Мартынова, Н. Е. Ончукова. Значительной вехой при изучении культуры староверов Усть-Цилемского района стали научные труды филолога В. И. Малышева, занимавшегося сбором старинных рукописей и книг в середине XX века. Чуть позже староверие изучал историк Ю. В. Гагарин.

К современным узкоспециальным региональным исследованиям, посвященным старообрядцам этого края, можно отнести труды историков, филологов, искусствоведов — Т. И. Дроновой, Т. Ф. Волковой, Т. С. Каневой,

Н. Е. Плаксиной и др. Анализ вышеуказанных работ говорит о доминировании историко-фактологического, а не культурологического подходов в совокупности предмета, методов и специфики научного изыскания.

В качестве источников исследования были использованы архивные данные, научная литература, данные информантов.

Результаты исследования и их обсуждение

Русских староверов-беспоповцев (поморцев) — жителей Русского Севера, проживающих в Усть-Цилемском районе Республики Коми, можно назвать компактной конфессиональной группой с экзонимом «устьцилемы». Проживая в иноэтничных условиях (соседи коми-ижемцы и ненцы), они сумели сохранить свою веру и самобытную культуру.

Усть-Цилемские старообрядцы представляют собой уникальную религиозную группу, обладающую особыми чертами и спецификой, основанную на уважении своих исторических корней и ориентации на культурные традиции старообрядческой общины. Рассмотрим ключевые аспекты, которые формируют их уникальность.

Исторический контекст и миграция.

Село Усть-Цильма является одним из самых древних сел, уникальным местом на Русском Севере, где во всем многообразии представлена живая старина. Основано это село новгородцем Ивашкой Дмитриевым Ласткой в 1542 году. До 1929 года Усть-Цильма входила в состав Архангельской губернии, а затем вошла в состав нынешней Республики Коми.

В конце XVII — начале XVIII века в эти края мигрировали «беглецы веры». Они прятались от преследований в глухих печорских дебрях. Немалое значение для приверженцев старой веры имел тот факт, что на Печоре, в Пустозерском остроге, был мучим в заточении и казнен огнем великий расколоучитель Аввакум с «союзниками» [13, с. 58].

Значительная удаленность края от центральной России способствовала сохранению и укреплению древлеправославия в этих местах. Изоляция позволила старообрядцам сохранить ряд уникальных культурных черт, которые в других условиях могли бы остаться в прошлом.

Материальные и духовные маркеры традиционной культуры повседневности.

Материальная и духовная культура в контексте культуры повседневности представляют собой взаимосвязанные аспекты человеческой жизни, которые формируют восприятие мира и взаимодействие с ним. К артефактам материальной культуры относятся: жилище/дом, пища, одежда/костюм, труд/промыслы и т. д. Духовная культура характеризуется семейными и религиозными традициями, художественным творчеством: иконописью, рукописно-книжными традициями, устной речью и фольклором и др.

Рассмотрим уникальные материальные маркеры старообрядческой культуры.

Старообрядческий дом/жилище. Важным материальным артефактом старообрядческой культуры стал печорский тип дома, выработанный русскими поселенцами. Это так называемые «двужирные» пятистенки и шестистенки, большей частью обшитые и окрашенные, также имелись купеческие дома начала XX века, в подражание каменным, даже с эркером [13, с. 75]. В экстремальных условиях Русского Севера сложился местный классический стиль крестьянского дома. Под одной крышей располагались жилые помещения и хозяйственные постройки: конюшня, хлев (скотный двор), поветь с «взвозом» (бревенчатый помост для въезда лошади с сеном). С. В. Мартынов, исследовавший эти края, отмечал, что «постройка крестьянских домов на Печоре вообще очень не дурна, и здешние жилища даже не могут быть сравниваемы с теми жалкими, крытыми соломой избушками, что составляют жилища русского крестьянина, привыкшего к нищете, не видевшего и не знающего, в чем состоят удобства жилища» [32].

Жилые здания характеризовались значительными размерами, зачастую представляя собой двухэтажные конструкции с многочисленными окнами. Особый почет в доме отводился печи, с ней были связаны различные обряды, отражающие древний культ предков [21, с. 79]. Потолок в комнатах обычно был низким, посередине располагалась горизонтальная балка — матица. Она поддерживала потолочные бревна или доски и, к тому же, считалась в доме сакральным местом. На матице вырезали

символы-обереги, а также к ней подвешивали детскую колыбель — зыбку. Двери, как и потолки, делали низкими, чтобы в избу проникло меньше холода. Почти вся мебель, находящаяся в доме, была изготовлена из дерева.

В Усть-Цильме попадают и керки — зырянские избы, у которых жилой и хозяйственной были не передняя и задняя, как в русской избе, а правая и левая половины.

Пища. К трапезе в семье староверов было особое отношение, они говорили: «Стол — престол». Обеденный стол в домах располагался, как правило, у окна, либо посередине комнаты и вмещал всю семью. Традиционно на столе ставили большой самовар на подносе. Еду готовили в русской печи. Распространенной в среде староверов была практика «держатъ посуду», что означает питаться только из своей посуды. Существовал негласный запрет на использование вилок, особенно если речь идет о трапезах в общине (как правило, таковыми являются поминальные обеды), причем предпочтение отдается деревянным ложкам. Расписные «печорские ложки» славились графичностью и узорностью.

Староверы Усть-Цильмы в основном соблюдали посты, поэтому в рационе имелось большое количество постных блюд (особенно выпечки) и блюд из рыбы. Среди постных блюд у староверов Усть-Цильмы можно отметить «шти пустовара» (вода с подболткой муки или пшеничной крупы (заспы) и солью). Особенно в бытовой культуре устьцилемов стоит употребление в пищу рыбы (семга, сиг, пелядь, омуль, зельдь): во-первых, все села и деревни Усть-Цилемского края располагаются по берегам рек — могучей Печоры и ее притоков — Цильмы, Пижмы, Нерицы и др., а во-вторых, рыбу допускается употреблять в пищу во многие постные дни в течение календарного года [20, с. 130].

Усть-цилемские старообрядцы, в отличие от самоедов, не употребляли мясо и рыбу в сыром виде. Крайне негативно воспринимается старообрядцами и «нехристианская» манера принятия пищи тундровыми кочевниками: «...ненцы и коми на ходу едят: уж глаза не перекрестят» [17, с. 55]. Старообрядцы Усть-Цильмы долгое время не употребляли в

пищу картофель, кофе и чай, считая это грехом [Там же, с. 63]. Однако уже в первой трети XX в. черный чай получил повсеместное распространение среди усть-цилемов. В качестве лакомства можно отметить алабушки (алабыши) — блины на хлебной закваске из белой муки, а также сушки и баранки. Хлеб же (на местном говоре — тяпыш), как правило, пекли в домашних условиях. Овощи в рационе усть-цилемов были представлены, пожалуй, лишь картофелем (в вареном или жареном виде), тертой редькой с маслом (или без) и солью, диким луком, а также репой, которая употреблялась в качестве лакомства в сыром или пареном виде. В советский период сохраняются все предпочтения традиционного старообрядческого стола, опирающегося на сложившуюся агрокультуру.

Одежда/костюм. Усть-Цилемский район — место, где и в социалистическую эпоху сохранилась мода «допетровских времен». Еще собиратель былин Н. Е. Ончуков писал: «Даже в костюмах Печора сохранила парчевые боярские наряды, в центре России хранящиеся только в музеях» [35].

Древнерусская одежда стала для старореров символом святоотеческого благочестия [15, с. 289]. Выделяются такие ее виды: *праздничная, менее нарядная, повседневная и рабочая*. Одежду было принято использовать по назначению и переодеваться несколько раз в день, в зависимости от ситуации.

Традиционная праздничная одежда не только служила красивым нарядом, но и позволяла оценить материальный достаток семьи и социальный статус владельца. Она изготавливалась из дорогих тканей и отличалась от повседневной одежды большей комплектностью. С. В. Мартынов, посетивший эти места в начале XX века, писал: «Женщины любят обшивать свою одежду по швам цветными кантами и другими украшениями, а во время гуляний, например, одевают в Усть-Цильме старинные парчевые одежды, опушённые соболем или дорогими мехами, на голову надевают кокошник, на шею массу старинных цепей и крестов. Словом, получается старинный боярский костюм русской боярыни или боярышни, какой нигде нельзя встретить теперь в русской де-

ревне, и которому только не соответствуют надетые на ноги глубокие калоши. Всюду на Печоре женщины одеваются очень хорошо, и в праздничные дни на них можно видеть не только хорошие ситцы или сатины, а шелк, бархат, дорогое сукно или драп» [6].

Н. П. Колпакова также отмечала богатство усть-цилемского костюма: «Шелестят тяжелые пышные шелка. Плавно волнуются сборчатые сарафаны. Расцветают диковинные узоры, серебряные цветы на парчовых «коротеньках» — сборчатых безрукавках до пояса, надетых поверх сарафанов. Колышутся пышные цветы штофных, затканых шелковыми цветами «шалюшек». Громадные шелковые платки отливают множеством нежных оттенков [27].

Праздничный костюм взрослой женщины включал рубаху-рукава, сарафан, фартук, коротенька пояс, кокошник, платок, цепи, серьги, перстни, небольшой платок, крепящийся на поясе. Невесты вместо кокошника используют побойник и надевают больше украшений. Повседневный костюм замужней женщины состоит из сарафана, рукавов, пояса, кокошника и платка. Для работы используется тот же вариант повседневной одежды, только добавляется нагрудник — вид фартука. Пожилым женщинам было принято носить костюм, состоящий из рукавов и сарафана. Молитвенная одежда состоит из рукавов, сарафана-лопатыны, пояса, кокошника и двух платков: репсового и кашемирового.

Яркий костюм носили невесты и молодые девушки, женщины постарше предпочитали приглушенные тона в одежде, а пожилые использовали повседневную одежду без украшений. Кроме того, праздничное платье имело особое значение на весенне-летний праздник Горку. По воспоминаниям старожилов, Горка в течение дня собиралась трижды [1, с. 16], причем каждый раз праздничный костюм должен был меняться. Самый красивый и дорогой наряд надевали днем.

Также в этих северных краях всегда оставалась востребованной вязаная одежда. Вязание было распространенным видом хозяйственной деятельности нижнепечорских женщин и носило товарный характер [16, с. 83]. Из наиболее популярных вязанных из-

делия у русского населения Усть-Цилемского района можно выделить узорные чулки, так называемые паголенки, орнаментированные носки и узорные рукавицы.

Стиль исполнения отличался в зависимости от применения вязаного изделия. Так, например, будничные рукавицы, так называемые испотки, вязались из двухцветной шерсти: черной и белой, что было обусловлено практичностью, такие рукавицы считались более теплыми и прочными. Украшались они и с тыльной, и с внутренней стороны сетчатыми узорами из простых геометрических мотивов (точек, квадратов, крестиков), иногда околениками.

Также имелось разделение и между женскими и мужскими вязаными изделиями. Так, например, женские будничные чулки вязались из пряжи черного цвета и украшались тремя полосками из красной пряжи в верхней части чулка, когда как мужские повседневные чулки характеризовались одноцветностью. Повседневные чулки отличались от праздничных меньшей длиной. Длина праздничных чулок достигала колена, но носили их по-разному, в зависимости от пола. Женщины немного опускали праздничные чулки, превращая их «в гармошку», а мужчины вытягивали их по всей длине. Узор на праздничных чулках также зависел от пола человека.

Усть-цилемский традиционный узор на вязаной одежде, как правило, выполнялся пятью основными цветами: черный (мог быть заменен на коричневый цвет), желтый, белый, зеленый, красный. Каждый цвет имеет свое значение: черный — земля, желтый — солнце, зеленый — развитие, цветение, белый — чистота, красный — жизнь. Красный цвет также символизирует защиту, оберег хозяина от злых сил.

Отличительной особенностью узорного вязания усть-цилемской традиции является многоярусность орнамента и многообразие геометрических форм. Каждый узор находился четко на своем месте и обладал устойчивой символикой. Юрсы соответствовали 3 мирам: «подземному, наземному и небесному» [22]. На подземном и наземном уровнях располагались орнаменты, связанные с земледелием и растительностью, тогда как небесный уро-

вень украшали знаками воздуха, воды, солнца, луны, птиц.

Мотивы узорных вязаных изделий могут быть как конечными, так и бесконечными. Конечные узоры, например, звезды, создают ощущение статичности, когда как бесконечный орнамент символизировал подвижность, то есть являлся знаком долголетия.

Вязаная одежда староверов, украшенная традиционным орнаментом, не только отличалась красотой и яркостью, но и несла в себе важный смысл. В емкой знаково-символической форме орнамент передавал культурный код, что способствовало сохранению культурного наследия района. В каждом узоре был заложен свой смысл, отражающий основные законы природы, например, рождения, жизни и смерти [4, с. 94].

Трудовая деятельность. Крестьяне-староверы Усть-Цилемского края всегда славились своей хозяйственностью и экономической самостоятельностью. Традиционными видами их трудовой деятельности издавна выступали сельское хозяйство, лесозаготовки, рыболовство, лесная охота и занятия древними ремеслами. Изменения, произошедшие в хозяйственно-экономических условиях жизни 1930-х годов, существенно повлияли на устоявшиеся трудовые устои. Коллективизация разрушила экономическую базу старообрядческой сельской общины, стало труднее соблюдать религиозные и бытовые предписания старообрядческой веры.

Однако в советские годы жители сел и деревень продолжали вести свое хозяйство. Скота держали много, что объяснялось хозяйственной и экономической необходимостью. Каждое лето активно шла заготовка сена. Косили сено (по-местному — сенокосили) каждый на своем поле, доставшемся от предков. И. В. Семенов, житель д. Черногорской, вспоминает: «Сенокосных полей около деревни было много. Каждое поле имело свое название, например, Макарово поле, Горевая, Горелое и др.». Название происходило либо от имени предка, который трудился на том месте, либо от других признаков, например, поле Горелое было названо так потому, что на этом месте сгорел лес. Сейчас в районе заметно сократи-

лось количество домашнего скота. Это можно объяснить развитием различных производств и магазинов, которые постепенно закрывают потребность в молочных и мясных продуктах.

В числе традиционных маркеров старообрядческой трудовой культуры, сохранившихся в советскую эпоху, можно выделить трудовую преемственность. Детей с самого раннего возраста приучали к труду. Как отмечал С. В. Максимов при поездке в Усть-Цильму, «с раннего возраста, лет с 3–4, он уже в лодке, на воде, с веслом в руке на детских шалостях, а вскоре и в серьезных работах, где требуется от него ответа нешуточного; его посылают за ягодами за Печору, и туда же стеречь и считать пасущуюся скотину» [29, с. 46]. Также он обращает внимание на то, что «от болезней здесь умирают мало; большей частью постигает их смерть на промыслах; в селении попадает много стариков, которым уже за седьмой и за восьмой десяток лет перевалило» [Там же, с. 55]. Девочек в старообрядческих семьях учили вязать еще в детстве, поскольку вязание было товарным промыслом. «Вместе с овладением способа выполнения того или иного изделия в детях развивалось чувство ритма, цветовой гармонии, соразмерности» [26, с. 7]. В подростковом возрасте, около тринадцати-четырнадцати лет, девочка уже могла связать изделие не только практической, но и художественной ценности. Стимулом было то, что многие вязанные изделия, украшенные традиционными узорами, выступали частью свадебного обряда, и в зависимости от того, как было выполнено изделие, судили о невесте, о ее мастерстве и хозяйственности. Поэтому вязать изделия для приданого девушка начинала рано, еще тогда, когда не знала и самого жениха. Готовые изделия складывались в сундук и ждали своего часа.

Духовная культура старообрядцев Усть-Цильмы представляет собой важный аспект их жизнедеятельности и идентичности, обладая значимостью для последующих поколений. Рассмотрим несколько ключевых аспектов, объясняющих ее уникальность.

Религиозные и семейные традиции. Усть-цилемские наставники занимались проповеднической деятельностью на территории

Коми края. Ю. В. Гагарин отмечал: «Начётчики с Пижмы и Усть-Цильмы месяцами жили на средней и верхней Печоре, пропагандируя старообрядчество и занимаясь требоисполнением среди местного населения» [10, с. 169–170]. Пижемские духовники проповедовали на Вашке, где благословляли удорских крестьян в наставническую должность [7, с. 62]. Подобная практика сохраняется и в XX веке, хотя ее масштаб и уменьшается.

Яркое и самобытное явление в духовной культуре печорских старообрядцев представляет собой деревянная резная пластика с изображением Голгофского креста. Возникновение традиции изготовления резных икон на Нижней Печоре связано с Великопоженским скитом, основанным на Пижме в начале XVIII в. выговскими старообрядцами, имевшими здесь свои хозяйственные интересы и промыслы.

Формирование местной традиции изготовления резных икон происходило под влиянием Выго-Лексинского поморского общежителства, с которым великопоженские насельники поддерживали тесные связи на всем протяжении существования скита вплоть до его закрытия в середине XIX в. [36, с. 169–170] Пижемские резные «Голгофы» имеют особые иконографические приметы, отличающие их от резных икон других старообрядческих центров. Например, они разнообразны по размеру и пропорциям доски, все иконы вытесаны топором из ядра плотной древесины хвойных пород (предположительно сосны), а также имеют на обороте следы от разнонаправленных зарубок и т. д.

Среди отличительных признаков пижемских резных икон заключается в особом рисунке наконечников орудий страстей — копы в виде граненого треугольника или ромба с рядом перемычек в основании и губки трости в виде четырехконечного креста с выемками внутри лопастей; расположении надписей-криптограмм в строго определенной последовательности, очертания буквы Х в теонимограмме Христа с горизонтальной перемычкой. Наиболее яркий отличительный признак пижемской резной иконы — это орнаментальный мотив крина или трилистника, стилизованный в виде языков пламени, расположенный по сторонам

от горы Голгофы и/или в верхних углах иконы [36, с. 168].

Многие пижемские «Голгофы» сохранили остатки краски в 4 цвета: сине-зеленый (фон), красно-оранжевый (крест, крины, арка, криптограммы), белый (обводка креста, череп Адама, декор орудий страстей и арки), черный (гора Голгофа). Скорее всего, краски готовились на основе природных минеральных пигментов, которыми богаты окрестности деревни Скитской.

Семейные традиции. По сей день старообрядцы Усть-Цильмы придают большое значение семейным и родственным связям, что способствует формированию глубоких социальных сетей и взаимопомощи среди членов общины. Эти традиции прошли сквозь все эпохи, включая советский период.

В отличие от некоторых северно-русских местностей, у устьцилемов понятие «родня» распространялось на всех родственников по прямым и боковым линиям родства, как проживавших единым хозяйством, так и раздельно, в том числе в разных деревнях [18]. Поддержанию родственных отношений способствовали трудовые и обрядовые традиции: общеизвестно, что одной из задач создания семьи было получение взаимопомощи новой родни (свойственников). Сообща возводили дома, занимались уборкой урожая, заготавливали корм для скота.

Среди духовных традиций следует особо выделить поминовение предков, рассматриваемое не только как способ улучшения загробной жизни усопшего, но, прежде всего, сохранение рода [18]. Объединению рода способствовало и праздничное общение, заключавшееся в столованиях гощениях, устраиваемых поочередно в домах родичей. В праздничные дни собирались родственники, не только проживавшие в одной деревне, но и из окраинных [18]. Особенным можно назвать и печорское пение, заключавшееся в семейной преемственности.

Сохранились и родовые кладбища в с. Усть-Цильма и прилегающих к ней деревнях. В настоящее время в некоторых селениях действуют по два и более кладбища (в с. Усть-Цильма — три, в д. Коровий Ручей и Гареве — по два). В советское время большин-

ство родовых кладбищ было закрыто; «могильники распахивались под поля, а впоследствии земли были отданы под застройку» [14].

Рукописно-книжная традиция. Усть-Цилемский район Республики Коми по праву считается одним из уникальных центров книжной культуры на Русском Севере: здесь в течение трех столетий в старообрядческой крестьянской среде хранились и переписывались сотни древнерусских и старообрядческих литературных и публицистических сочинений, создавались новые редакции старинных повестей и свои местные сочинения.

Здесь жители давно были известны как хранители большого количества памятников письменной старины [30, с. 561], включающих произведения исторического, литературного и бытового содержания, встречающиеся в виде отдельных рукописей, переписок (писем), извлеченных по большей части из корок переплетов рукописных книг. Старинная книжность была сосредоточена в Усть-Цилемском крае в домашних собраниях представителей местных родов, переселившихся в начале XVIII в. из соседних северных областей на Печору, а потом Пижму и Цильму — притоки Печоры [8].

По мнению исследователя древнерусской литературы В. И. Малышева первоначально первыми читателями, распространителями и возможно переписчиками рукописной книги в районе были Ивашка Дмитриев по прозвищу «Ластка», основатель Усть-Цильмы, с группой помощников [31, с. 7]. Позднее «проводниками» рукописных книг на Печору стали служилые люди, которые приезжали в эти края на работу.

Большую роль в формировании печорской рукописно-книжной традиции сыграли местные старообрядческие скиты — Великопоженский на реке Пижме и Омелинский на реке Цильме, служившие центрами собирания и переписки старинных рукописей [9]. Писцы скита выработали особый печорский полуустав, который характеризуется свободой письма, отсутствием строгой линейности в строке, квадратности букв. Буквы отличаются продолговатостью, свисанием петлями за строку и преобладанием завитков.

После закрытия скитов «главными хранителями рукописной старины и книжности

стали начетчики, наставники» [33]. В их руках находилось большое количество рукописных памятников и старопечатных книг. Оставались книги и у местного населения, которое, в большинстве своем было грамотным. Также, в этот период грамотные люди начинают заниматься перепиской рукописей. Поэтому, к середине XIX века, в Усть-Цилемском районе было накоплено большое количество рукописного и старопечатного материала.

Сильный удар местной рукописно-книжной традиции был нанесен в 1906 году Именным Высочайшим Указом «О порядке образования и действия старообрядческих и сектанских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов», предоставлявший право свободного исповедания веры; регистрации общин в качестве юридического лица, имеющего определенные свободы, в том числе разрешившим старообрядцам выпускать свои печатные книги [31, с. 22]. В Усть-Цилемский районе стала поставляться печатная продукция разнообразного содержания, активно распространяющаяся в селах и деревнях, вытеснив рукописные и старопечатные книги, которые, потеряв практическую ценность, переместились на чердаки и в сараи. Хранились они, как правило, в сундуках и ящиках, как «дедова память».

Таким образом, уникальностью книжной традиции устьцилемов, можно считать ее миссионерский характер. Писания первых старообрядцев создавались и распространялись в народе с миссионерскими целями [37]. На книгах делались читательские записи и пометы, что также является особенностью усть-цилемских старообрядцев.

Устная речь и фольклор старообрядцев Усть-Цильмы. Русские говоры Нижней Печоры сформировались в условиях иноязычного окружения [11], однако по своим языковым особенностям являются достаточно однородными говорами архангельского (поморского) типа [28, с. 18–21]. Это говор территории позднего заселения, то есть говор вторичный [38, с. 238]. Его формирование разворачивается на основе уже сложившихся диалектных

типов в условиях интенсивных междиалектных, а часто и межъязыковых контактов [6, с. 22].

Речь жителей усть-цилемских деревень является красноречивой и неповторимой. Ее отличительными особенностями являются неторопливость, певучесть, прямолинейность, откровенность, обилие прибауток, проявление самоиронии, набожность [3, с. 314]. Печорский диалект пользуется большой популярностью даже в современных реалиях. Сохранение древнерусского диалекта может объясняться преемственностью поколений, традиционализмом, который присущ старообрядцам. Кроме того, именно «дедовские» поговорки и выражения по-прежнему весомы даже в современном стремительно развивающемся мире.

На сегодняшний день диалектические особенности языка жителей Усть-Цилемского района все также являются узнаваемыми и сохраняют свою уникальность. Ирина Паршина, автор усть-цилемских баек, книг «Жись стариковского» и «Сказ о том, как чудушко в Усть-Цильме зиму зимовало», приводит пример типичного диалога устьцилемов:

— *Хто-ле кабы́ть крещио́ный ря́чкаиц-цэ* в дом-от. Шшас ужэээ! Отло́жусь!*

— *Здорóвойте живите́! Каковы́?*

— *А так. С серёдки на половинку. Чё ле кукишдаемсе*, бат, уж без пути вовсе да... Не поми́ра́м же совсем, так и здорóвыми вовсе не назовёшь. С молоды́ми уж нам не ровне́ццэ!*

— *С молодыми-то сравне́ццэ, то беда бы ла́нно было да!*

Сейчас усть-цилемский говор уже не так ярко присутствует в речи современных жителей. Однако некоторые слова и определенный акцент сохраняются и используются устьцилемцами и в настоящее время.

Усть-Цилемский район богат фольклорными традициями, которые содержат элементы как религиозной, так и светской тематики. Фольклор усть-цилемских старообрядцев представлен уникальными обрядовыми формами народной культуры, песенно-игровыми традициями, устной прозой. Эти творения служат важным носителем культурной памяти и обогащают местный культурный ландшафт.

Уникальной «жемчужиной» старообрядческого Севера является праздник Горка — «народно-хороводное гуляние, выступающее живым памятником древнерусской культуры» [2, с. 15]. Зародилась она в недрах язычески-аграрной средневековой древнерусской культуры и не прервалась на протяжении пяти столетий. В настоящее время этот праздник, не прекращавшийся ни в индустриальную эпоху, ни в советскую эпоху борьбы с «религиозными пережитками», приобрел статус республиканского, на который съезжаются многочисленные туристы со всей страны, в особенности с близлежащих областей и городов: Санкт-Петербурга, Пскова, Нижнего Новгорода и т. д.

Усть-Цилемская Горка обладает рядом значимых характеристик: уникальностью, узнаваемостью, привлекательностью, культурно-ментальной обусловленностью, жизнеспособностью. А также рядом обязательных архетипичных элементов: временем проведения; набором «горочных» хороводных обрядовых элементов; спецификой праздничной одежды; песенными сюжетами (исследователи насчитывают в настоящее время их 17); обрядово-ритуальными традициями для молодежи. Традиционно Горка устраивалась в период весенних праздников — приблизительно от Николина до Петрова дня [25, с. 46]. Открытие горочных (хороводных) гуляний зависело от климатических условий, вскрытия Печоры и готовности к земледельческим работам: «Как земля пахать поспеет — так и горку водили» [1, с. 16]. После этого каждый праздничный день и каждое воскресенье водили хороводы (за исключением Духова дня). Размах гуляний увеличивался и достигал своей кульминации к Иванову дню (7 июля по новому стилю), завершавшему весну и молодежные обрядовые игры и открывавшему лето с его трудовыми буднями и обрядами, которые в основном связывались с сенокосной порой и жатвой хлебов. До конца 1930-х гг. Горку водили в крупных и малых селениях, но главные завершающие хороводы проводили в головных селениях/центрах, и праздник обретал статус съезжего [19].

Особенное значение имела Горка и в период весенне-летних молодежных обрядов. Так, во время народного гулянья подростков вов-

лекали в молодежный круг, а молодые парни и девушки объединялись в пары. В инсценировках песен завершающего хоровода на Иванов день они «утверждались» общиной в качестве потенциальных женихов и невест, что давало им право открыто демонстрировать свои любовные отношения [19].

С середины XX века, внесшего определенные изменения в традиционную жизнь староверов, горку начинают водить дважды в год — на Иван и Петров день. Иван день был приоритетным праздником у устьцилемов, так как обозначал вершину трудового года и связывался с хозяйственной деятельностью. Второй день горочных гуляний — Петров день (в честь православных апостолов Петра и Павла), был выбран по причине неустойчивых погодных условий Севера и также занимал особое место в обрядовой практике староверов.

Уменьшение количества дней горочных гуляний в советский период связывалось с угасанием интереса молодежи к горке, чему способствовало вовлечение их в комсомольскую жизнь и ориентирование на социалистические ценности. Вследствие этого традиция проведения горки менялась: из горочного репертуара исключались песни, связанные с выбором пары; претерпевали изменения некоторые фигуры хоровода, утрачивались элементы обряда. Кроме того, изменения происходили и по причине того, что старики уже не могли играть активную роль в горочных хороводах, что также влияло на проведение праздника.

В настоящее время Горка проводится 12 июля и перекликается еще с одной усть-цилемской народной традицией, согласно которой в ночь на Петровщину, с 11 на 12 июля, устьцилемы разводят костры и варят кашу, отдыхая перед началом сенокосной поры. Несмотря на строгость старообрядческой веры, наставники и старцы не запрещали проводить хороводные обряды в Петровский пост, что свидетельствует о высоком статусе горки в мировоззрении старовера, в котором она воспринималась как жизненно важное ритуальное действие, направленное не только на достижение благополучия в сельскохозяйственных делах, но и на воспроизводство культуры в целом [19].

Горочный «цикл» или композиция имеет свою архетипичную структуру и состоит из семи хороводов: «столбы», круг, «сторона на сторону», «на четыре стороны», «вожжа», «плетень», наборный хоровод. Эти фигуры относительно стабильны в Усть-Цильме, на Пижме и на Цильме. Их последовательность не была строго закреплена, поэтому каждый «горочник» (заходила горки) мог допускать вариативность. Каждый хоровод водился под определенные песни, строго предназначавшиеся для данной горочной композиции.

Песенные сюжеты усть-цилемских горочных песен типичны для общерусских игровых и хороводных песен, в которых доминирующей является любовно-брачная тематика [34, с. 12]. Игровые и хороводные песни Усть-Цильмы отличаются четкостью функционально жанровой приуроченности, устойчивостью своих вариантов, архаичностью художественных образов.

Усть-Цилемская горка способствует преемственности национального и регионального самосознания и сохранению региональной идентичности потомков северного поморского старообрядчества прежде всего среди молодежи.

Таким образом, духовная культура старообрядцев Усть-Цильмы играет значительную роль в формировании культурной идентичности и ценностных ориентиров, сохраняя свою уникальность и обогащая культурное наследие всей страны. Для будущих поколений эта культура служит источником знаний, примеров исторического опыта и моральных постулатов, которые могут быть адаптированы к современным реалиям.

Заключение

Усть-Цилемские старообрядцы представляют собой уникальную традиционную культурную общность с глубокими корнями и неповторимыми чертами, которые делают ее отличной от других старообрядческих центров. Их специфика связана с историей, духовной

практикой, материальной культурой, устойчивым образом жизни и социальными ценностями. Эти аспекты отражают богатую традицию старообрядцев и имеют ценность для изучения и сохранения культурного наследия.

Усть-цилемская старообрядческая культура представлена яркими маркерами, которые отражают ее уникальную материальную и духовную культуру. Здесь сохранены старинные дома, традиционная народная одежда, своеобразная фольклорная традиция, бережно хранятся старинные иконы и книги. Эти и многие другие характеристики позволяют взглянуть на повседневную картину мира старообрядца прошлого и настоящего.

Трансформационные процессы (интеграция, глобализация, миграция, аккультурация, информатизация, технологическое развитие и пр.), происходящие в советское и постсоветское время, вызвали существенные изменения в культурной сфере. Однако, выступая хранителями традиционных ценностей и знаний, старообрядцы Усть-Цильмы сумели сохранить свою локальную культурную идентичность на протяжении нескольких веков.

Удаленность края, труднопроходимость здешних мест также способствовали сохранению и укреплению древлеправославия. Т. И. Дронова в своей статье [14] приводит данные о том, что согласно архивным материалам, «борьба со старообрядчеством на Нижней Печоре не отличалась большим усердием со стороны священников» [12]. Усть-цилемские старообрядцы сформировали особый способ бытия, особую повседневную культуру, являющуюся отражением их поведенческих, бытовых и культурных представлений. Староверам Усть-Цильмы удалось сохранить устои древлеправославной веры и защититься от советских и постсоветских нововведений свой традиционный бытовой уклад, строящийся на основе староцерковных традиций предков, вплоть до настоящего времени.

Список литературы

1. А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села) / подгот. текстов и коммент. А. Н. Власова, З. Н. Бильчук, Т. С. Каневой. — Санкт-Петербург : Инка, 1992.

2. Абукаева, Д. Л. Усть-Цилемская горка: событийный брендинг локальной старообрядческой культуры / Д. Л. Абукаева // Культура открытого города: брендинг территории. — 2024. — С. 14–19.
3. Абукаева, Д. Л. Усть-Цилемский говор как условие сохранения культурной самобытности старообрядцев / Д. Л. Абукаева // Ученый совет. — 2023. — № 5. — С. 312–316.
4. Абукаева, Д. Л. Традиционный орнамент на вязаной одежде староверов Усть-Цильмы как средство передачи культурного наследия предков / Д. Л. Абукаева // Вестник Тюменского государственного института культуры. — 2022. — № 2 (24). — С. 90–95.
5. Байкова, Е. В. Культура повседневности / Е. В. Байкова. — Саратов : Сарат. гос. техн. ун-т, 2009. — 112 с.
6. Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации / Л. И. Баранникова // Вопросы языкознания. — 1975. — № 2. — С. 22–31.
7. Власова, В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни / В. В. Власова. — Сыктывкар : КНЦ УрО РАН, 2010. — 172 с.
8. Волкова, Т. Ф. К вопросу о крестьянских старообрядческих книжных собраниях на нижней Печоре: род Чупровых (по материалам банка данных «Печорская книжность») / Т. Ф. Волкова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2014. — № 1 (7). — С. 151–163.
9. Волкова, Т. Ф. Книжный центр на Нижней Печоре / Т. Ф. Волкова. — URL: https://www.syktsu.ru/ovr/eduportal/etno/skl/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B6%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D1%8B_%D0%9D_%D0%9F%D0%B5%D1%87%D0%BE%D1%80%D0%B0.pdf (дата обращения: 19.02.2025).
10. Гагарин, Ю. В. История религии и атеизма народа коми / Ю. В. Гагарин. — Москва : Наука, 1978. — 323 с.
11. Глебко, Г. И. Из истории формирования микропонимии Нижней Печоры (названия сенокосных угодий) / Г. И. Глебко // Говоры Республики Коми и сопредельных областей. — 2018. — С. 37–46. — URL: <https://territory.syktsu.ru/etnokulturnoe-nasledie/biblioteka/%D0%93%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%8B%D0%A0%D0%9A.pdf> (дата обращения: 11.03.2025).
12. Государственный архив Архангельской области. — Ф. 29. — Оп. 1. — Т. 1. — Д. 591. — «Дело о постройке и открытии единоверческой церкви в Усть-Цилемском приходе Мезенского уезда и мерах, предпринимаемых для приобщения раскольников в православие» (начато 13 июня 1849 г., кончено 18 мая 1863 г.).
13. Гунн, Г. П. По Нижней Печоре / Г. П. Гунн. — Москва : Искусство, 1979. — 159 с.
14. Дронова, Т. И. Межконфессиональные отношения усть-цилемских староверов с православным духовенством во второй половине XVIII — середине XIX века / Т. И. Дронова // Известия Коми научного центра УрО РАН. — 2015. — № 4 (24). — С. 79–85.
15. Дронова, Т. И. Народная одежда устьцилемов / Т. И. Дронова // Староверский край Усть-Цильма. — Москва : Третий Рим. Культурно-паломнический центр имени протопопа Аввакума, 2018. — С. 287–295.
16. Дронова, Т. И. Одежда староверов Усть-Цильмы: традиционные типы и функции в поверьях и обрядовой культуре (середина XIX–XXI вв.). — Сыктывкар, 2011. — 212 с.
17. Дронова, Т. И. Религиозный канон и народные традиции староверов Усть-Цильмы: формирование, сохранение, эволюция / Т. И. Дронова. — Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2019. — 280 с.
18. Дронова, Т. И. Традиции сохранения родства в культуре староверов Усть-Цильмы / Т. И. Дронова // Известия Коми НЦ УрО РАН. — 2017. — № 3 (31). — С. 103–106.

19. Дронова, Т. И. Усть-Цилемская горка: от обряда к республиканскому празднику / Т. И. Дронова // Этнографическое обозрение. — 2011. — № 4. — С. 48–56.
20. Ермолин, Д. С. Культура питания староверов Усть-Цильмы (по материалам Д. Д. Травина из собрания МАЭ РАН) / Д. С. Ермолин // Этнография. — 2023. — № 4 (22). — С. 126–138.
21. Жеребцов, Л. Н. Крестьянское жилище в Коми АССР / Л. Н. Жеребцов. — Сыктывкар, 1971. — 95 с.
22. Жоголева, А. А. Система архаических знаков-символов в орнаментах мезенской прялки / А. А. Жоголева, Е. Г. Столярова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2021. — Т. 23, № 77. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-arhaicheskikh-znakov-simvolov-v-ornamentah-mezenskoj-pryalki/viewer> (дата обращения: 23.02.2025).
23. Каган, М. С. Введение в историю мировой культуры / М. С. Каган. — Санкт-Петербург : Петрополис, 2003. — 368 с.
24. Казакова, Г. М. Культурный капитал, культурные индустрии и индустрии культуры: понятийные поиски / Г. М. Казакова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2020. — № 37. — С. 14–20.
25. Канева, Т. С. Фольклорная традиция Усть-Цильмы. Отдельные аспекты характеристики локальной традиции : учеб. пособие по спецкурсу / Т. С. Канева. — Сыктывкар : Издательство Сыктывкарского университета, 2002. — 120 с.
26. Климова, Г. Н. Текстильный орнамент коми / Г. Н. Климова. — Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1984. — 144 с.
27. Колпакова, Н. П. У золотых родников. Записки фольклориста / Н. П. Колпакова. — Ленинград : Наука, 1975. — 200 с. — URL: https://www.phantastike.com/folklore/u_zolotyh_rodnikov_zapiski_folklorista/doc (дата обращения: 07.03.2025).
28. Ли, А. Д. Русские говоры Коми республики / А. Д. Ли. — Сыктывкар : Изд-во Коми пед. ин-та, 1992. — 106 с.
29. Максимов, С. В. Год на Севере / С. В. Максимов. — Санкт-Петербург : Издание книгопродавца Д. Е. Кожанчикова, 1859. — 514 с.
30. Малышев, В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания / В. И. Малышев // Труды Отдела древнерусской литературы. — Москва ; Ленинград, 1961. — Т. 17. — С. 561–604.
31. Малышев, В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. / В. И. Малышев ; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). — Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1960. — 213 с.
32. Мартынов, С. В. Печорский край / С. В. Мартынов. — Санкт-Петербург, 1905. — 276 с.
33. Медведева, Н. И. Репертуар старообрядческой рукописной книги в России: XVIII–XX вв. : общий обзор / Н. И. Медведева // Вестник СПбГИК. — 2013. — № 4 (17). — С. 68–76.
34. Морозова, О. Усть-Цилёмская горка / О. Морозова // Русские северные традиции: Усть-цилёмская горка и вологодские частушки / С. Л. Браз. — Москва : Родникъ, 2000. — С. 4–27.
35. Ончуков, Н. Е. Печорские былины / Н. Е. Ончуков. — Санкт-Петербург : Типо-лит. Н. Соколова и В. Пастор, 1904. — 424 с.
36. Плаксина, Н. Е. Резная икона Пижмы / Н. Е. Плаксина // Староверский край Усть-Цильма. — Москва : Третий Рим. Культурно-паломнический центр имени протопопы Аввакума, 2018. — С. 167–173.

37. Романова, Н. И. Книжная культура старообрядчества / Н. И. Романова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2007. — № 1. — С. 82–91.
38. Урманчеева, И. С. Диалектные варианты общерусских фразеологизмов в говорах Низовой Печоры / И. С. Урманчеева // Сибирский филологический журнал. — 2020. — № 4. — С. 237–250.
39. Флиер, А. Я. Структуры культуры / А. Я. Флиер // Культура культуры. — 2017. — № 1 (13). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktury-kultury> (дата обращения: 12.02.2025).

Получено 29.09.2025

References

1. Vlasova A. N., Bilchuk Z. N., Kaneva T. S. [ed.]. 1992. A v Ust'-Tsil'me poyut. Traditsionnyi pesenno-igrovoi fol'klor Ust'-Tsil'my (sbornik k 450-letiyu sela) [And in Ust-Tsilma they sing. Traditional song and game folklore of Ust-Tsilma (a collection for the 450th anniversary of the village)]. Saint Petersburg: Inka. (In Russ.).
2. Abukaeva D. L. 2024. Ust-Tsilma Gorka: event branding of local Old Believer culture. *Kul'tura otkrytogo goroda: brending territorii* [Open City Culture: Territory Branding]. Pp. 14–19. (In Russ.).
3. Abukaeva D. L. 2023. Ust-Tsilma Dialect as a Condition for Preserving the Cultural Identity of Old Believers. *Uchenyi sovet* [Academic Council]. No 5: 312–316. (In Russ.). (In Russ.).
4. Abukaeva D. L. 2022. Traditional ornament on knitted clothing of the Old Believers of Ust-Tsilma as a means of transmitting the cultural heritage of their ancestors. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture]. No 2 (24): 90–95. (In Russ.).
5. Baykova E. V. 2009. Kul'tura povsednevnosti [Everyday Culture]. Saratov: Saratov State Technical University. 112 p. (In Russ.).
6. Barannikova L. I. 1975. Dialects of late settlement territories and the problem of their classification. *Voprosy yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. No 2: 22–31. (In Russ.).
7. Vlasova V. V. 2010. Staroobryadcheskie gruppy komi: konfessional'nye osobennosti sotsial'noi i obryadovoi zhizni [Old Believer groups of the Komi: confessional features of social and ritual life]. Syktyvkar: KNC UB RAS, 172 p. (In Russ.).
8. Volkova T. F. 2014. On the issue of peasant Old Believer book collections on the lower Pechora: the Chuprov family (based on the materials of the Pechora Bookstore database). *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii* [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary]. No 1 (7): 151–163. (In Russ.).
9. Volkova T. F. Knizhnyi tsentr na Nizhnei Pechore [Book center on the lower Pechora]. Available from: https://www.syktsu.ru/ovr/eduportal/etno/skl/%D0%9A%D0%B-D%D0%B8%D0%B6%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D1%8B_%D0%9D_%D0%9F%D0%B5%D1%87%D0%BE%D1%80%D0%B0.pdf (accessed: 19.02.2025). (In Russ.).
10. Gagarin Yu. V. 1978. History of Religion and Atheism of the Komi People. Moscow: Nauka. 323 p. (In Russ.).
11. Glebko G. I. 2018. From the history of the formation of the microtoponymy of Nizhnyaya Pechora (names of hayfields). *Govory Respubliki Komi i sopredel'nykh oblastei* [Dialects of the Komi Republic and adjacent regions]. Pp. 37–46. Available from: <https://territory.syktsu.ru/etnokulturnoe-nasledie/biblioteka/%D0%93%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%8B%D0%A0%D0%9A.pdf> (accessed: 11.03.2025). (In Russ.).
12. State Archives of the Arkhangelsk Region. F. 29. Op. 1. V. 1. D. 591. "The case of the construction and opening of the Old Believers' Church in the Ust-Tsilemsky Parish of the Mezensky District and the measures taken to convert schismatics to Orthodoxy" (begun June 13, 1849, completed May 18, 1863). (In Russ.).
13. Gunn G. P. 1979. Po Nizhnei Pechore [On the Lower Pechora]. Moscow: Iskusstvo. 159 p. (In Russ.).

14. Dronova T. I. 2015. Interfaith Relations of the Ust-Tsilemsky Old Believers with the Orthodox Clergy in the Second Half of the 18th – Mid-19th Century. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN [Bulletin of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]*. No 4 (24): 79–85. (In Russ.).
15. Dronova T. I. 2018. Folk Clothing of the Ust-Tsilma People. *Staroverskii krai Ust'-Tsil'ma [The Old Believer Region of Ust-Tsilma]*. Moscow: Third Rome. Cultural and Pilgrimage Center named after Archpriest Avvakum. Pp. 287–295. (In Russ.).
16. Dronova T. I. 2011. Odezhdа staroverov Ust'-Tsil'my: traditsionnye tipy i funktsii v pover'yakh i obryadovoi kul'ture (seredina XIX–XXI vv.) [Clothing of the Old Believers of Ust-Tsilma: Traditional Types and Functions in Beliefs and Ritual Culture (Mid-19th–21st Centuries)]. Syktyvkar. 212 p. (In Russ.).
17. Dronova T. I. 2019. Religiozniy kanon i narodnye traditsii staroverov Ust'-Tsil'my: formirovaniye, sokhraneniye, evolyutsiya [Religious Canon and Folk Traditions of the Old Believers of Ust-Tsilma: Formation, Preservation, Evolution]. Syktyvkar: Komi Republic Printing House. 280 p. (In Russ.).
18. Dronova T. I. 2017. Traditions of Preserving Kinship in the Culture of the Old Believers of Ust-Tsilma. *Izvestiya Komi NTs UrO RAN [Bulletin of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]*. No 3 (31): 103–106. (In Russ.).
19. Dronova T. I. 2011. Ust-Tsilma Hill: From a Ritual to a Republican Holiday. *Etnograficheskoe obozreniye [Ethnographic Review]*. No 4. P. 48–56. (In Russ.).
20. Ermolin D. S. 2023. Food Culture of the Old Believers of Ust-Tsilma (based on materials of D. D. Travin from the collection of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences). *Etnografiya [Ethnography]*. No 4 (22): 126–138. (In Russ.).
21. Zherebtsov L. N. 1971. Krest'yanskoe zhilishche v Komi ASSR [Peasant dwelling in the Komi ASSR]. Syktyvkar. 95 p. (In Russ.).
22. Zhogoleva A. A., Stolyarova E. G. 2021. The system of archaic signs and symbols in the ornaments of the Mezen distaff. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences]*. Vol. 23. No 77. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-arhaicheskikh-znakov-simvolov-v-ornamentakh-mezenskoy-pryalki/viewer> (accessed: 23.02.2025). (In Russ.).
23. Kagan M. S. 2003. Vvedeniye v istoriyu mirovoi kul'tury [Introduction to the History of World Culture]. Saint Petersburg: Petropolis. 368 p. (In Russ.).
24. Kazakova G. M. 2020. Cultural Capital, Cultural Industries, and Cultural Industries: Conceptual Searches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye. [Bulletin of the Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism]*. No 37: 14–20. (In Russ.).
25. Kaneva T. S. 2002. Fol'klornaya traditsiya Ust'-Tsil'my. Otdel'nye aspekty kharakteristiki lokal'noi traditsii [Folklore Tradition of Ust-Tsilma. Certain Aspects of the Characteristics of Local Tradition]. Syktyvkar: Publishing House of Syktyvkar University. 120 p. (In Russ.).
26. Klimova G. N. 1984. Tekstil'nyi ornament komi [Komi Textile Ornament]. Syktyvkar: Komi book publishing house. 144 p. (In Russ.).
27. Kolpakova N. P. 1975. U zolotykh rodnikov. Zapiski fol'klorista [At the Golden Springs. Notes of a Folklorist]. Leningrad: Nauka. 200 p. URL: https://www.phantastike.com/folklore/u_zolotykh_rodnikov_zapiski_folklorista/doc/ (accessed: 07.03.2025). (In Russ.).
28. Lee A. D. 1992. Russkie govory Komi respubliky [Russian Dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Publishing House of the Komi Pedagogical Institute. 106 p. (In Russ.).
29. Maksimov S. V. 1859. God na Severe [A Year in the North]. Saint Petersburg: Izdatelstvo s knigoprodavtsa D. E. Kozhanchikov. 514 p. (In Russ.).
30. Malyshev V. I. 1961. Ust-Tsilema manuscripts of the 17th–19th centuries of historical, literary, and everyday content. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]*. Moscow; Leningrad. Vol. 17. Pp. 561–604. (In Russ.).
31. Malyshev V. I. 1960. Ust'-Tsilemskie rukopisnye sborniki XVI–XX vv. [Ust-Tsilema manuscript collections of the 16th–20th centuries]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House. 213 p. (In Russ.).

32. Martynov S. V. 1905. Pechorskii krai [Pechora Region]. Saint Petersburg. 276 p. (In Russ.).
33. Medvedeva N. I. 2013. Repertoire of Old Believer Manuscripts in Russia: 18th–20th Centuries: General Review. *Vestnik SPbGIK [Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture]*. No 4 (17): 68–76. (In Russ.).
34. Morozova O. 2000. Ust-Tsilemskaya Gorka. *Russkie severnye traditsii: Ust'-tsilemskaya gorka i vologodskie chastushki [Russian Northern Traditions: Ust-Tsilemskaya Gorka and Vologda Chas-tooshkas]*. Moscow: Rodnik. P. 4–27. (In Russ.).
35. Onchukov N. E. 1904. Pechora Epics. Saint Petersburg: Typo-Literary Books by N. Sokolova and V. Pastor. 424 p. (In Russ.).
36. Plaksina N. E. 2018. Carved icon of Tansy. The Old Believer region of Ust-Tsilma. Moscow: Third Rome. Cultural and pilgrimage center named after Archpriest Avvakum. Pp. 167–173. (In Russ.).
37. Romanova N. I. 2007. Book culture of the Old Believers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*. No 1: 82–91. (In Russ.).
38. Urmancheeva I. S. 2020. Dialectal variants of common Russian phraseological units in the dialects of Nizhnovaya Pechora *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Philological Journal]*. No 4: 237–250. (In Russ.).
39. Flier A. Ya. 2017. Structures of Culture. *Kul'tura kul'tury [Culture of Culture]*. No 1 (13). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktury-kultury> (accessed: 12.02.2025). (In Russ.).

Received 29.09.2025